

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА

ОСНОВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ГУННСКОГО ДВОРЦА НА РЕКЕ ТАШЕБЕ

© 2008 г. И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН, Москва

Раскопки дворца I в. до н.э. на р. Ташебе (Хакасия) – единственного археологически изученного дворцового здания гуннов – завершены 60 лет назад. Они шли в тяжкие 1940-е годы, требуя от В.П. Левашевой, Л.А. Евтюховой, С.В. Киселева, их помощников П.И. Каралькина и З.К. Глуской не только профессионализма, но и мужества, самоотверженности. История открытия этого уникального объекта и анализ всех его материалов вошли в науку недавно (Кызласов, 2001; 2006. С. 160–218), но в Хакасии уже планируют воссоздать дворец (проектное воплощение-архитектор Т.С. Доброва), и автор статьи работает над разрешением археологических и историко-культурных вопросов проекта.

План дворца реконструировал Л.Р. Кызласов (2001. Рис. 43) (рис. 1, 1). Дворец одноэтажный, так как в нем нет лестниц и пандусов, облик здания может быть установлен только широким сравнительным анализом. Три варианта графической и макетной реконструкции уже выполнены археологами Л.А. Евтюховой (1947. Рис. 26), Н.В. Леонтьевым (вместе с художником В.Ф. Капелько; макет Минусинского музея) и Л.Р. Кызласовым (2001. Рис. 54), четвертый – архитектором Г.Б. Шукиным (Евтюхова, 1954. С. 208, 209. Вклейка).

Прежние реконструкции. Л.А. Евтюхова (1947. С. 81) допускала два или три яруса крыши, в последнем случае оговорив две версии (но издал одну – рис. 2, 1). Двухъярусную крышу она, учитывая разную толщину вскрытых в 1940–1941 гг. стен, предлагала и ранее совместно с В.П. Левашевой (1946. С. 76). Полагая, что дворец возвели китайские строители, аналоги ему искали среди одновременных ханьских древностей. Евтюхова изобразила прямоугольное здание с прямым передним фасадом (на деле центральная часть дома выступала, образуя углы на линии боковых комнат: рис. 1, 1). На главном фасаде помещено 10 пролетов с окнами и два пролета со входом, на боковом – девять пролетов; тем самым каждое помещение южной стороны, включая вестибюль, получило по два окна (рис. 2, 1). Боковой фасад не отвечал такому решению: по западной стене четыре помещения, т.е. нужны восемь окон. Вертикальное членение фасадов навечно

стоечно-балочным каркасом китайских зданий, хотя паховые стены дворца его не имели.

Более вытянутые пропорции приданы верхнему ярусу здания: стена с восемью окнами образвала длинную сторону, а с четырьмя – короткую. Л.А. Евтюхова (1947. С. 81) и С.В. Киселев (1949. С. 268; 1951. С. 479) считали, что крыша второго яруса покрывала не только центральный зал, но и примыкавшие к нему боковые комнаты. Однако стены зала от комнатных отличала не только толщина, но и прочность: они сооружены заливкой в опалубку глиняного раствора с камнем (Кызласов, 2001. С. 61, 64) и могли служить опорой верхней крыши, форму которой определяет квадратный план зала. Мысль о четырехскатной двухъярусной крыше есть уже в отчете 1941 г., где различия стен зала и комнат сопоставлены с зонами осыпавшейся черепицы (АИА РАН. Ф. 12. Д. 16. Л. 116). Позднее аргументы, включая особенности падения конечных дисков, были опубликованы (Евтюхова, Левашева, 1946. С. 78–80; Киселев, 1949. С. 268; 1951. С. 479, 480; Евтюхова, 1954. С. 203). Реконструкция двухъярусного здания с квадратным верхом возникла, видимо, в 1946 г. на эскизе Л.А. Евтюховой (АИА РАН. Ф. 12. Д. 19. Л. б.н.) (рис. 3, 1). Но были не две, а три зоны осыпания кровли: третья охватила углы зала (Кызласов, 2001. Рис. 35), потому трехъярусное покрытие дворца с четырехскатными верхними и односкатными нижними боковыми крышами более вероятно.

О трехчастной текстуре здания говорит и его план (рис. 1, 2). Центральный зал (внешние размеры 15.5–6 × 15.5–6 м) вписан в больший (30 × 30 м) квадрат примыкавших помещений (размеры даны по плану: Евтюхова, 1947. Рис. 25). Согласно обоснованной реконструкции плохо сохранившихся стен, второй объем здания выделен двухметровым ризалитом переднего фасада. Правильность квадрата нарушена дополнительным выносом на 2 м дверного проема и косо направленными к нему внешними стенами; угловое схождение линий переднего фасада заложено в форме боковых крыльев; особенно заметно смещение широтной оси юго-западной угловой комнаты 3. В итоге квадрат превращен в пятиугольник (рис. 1, 1, 2). Ев-

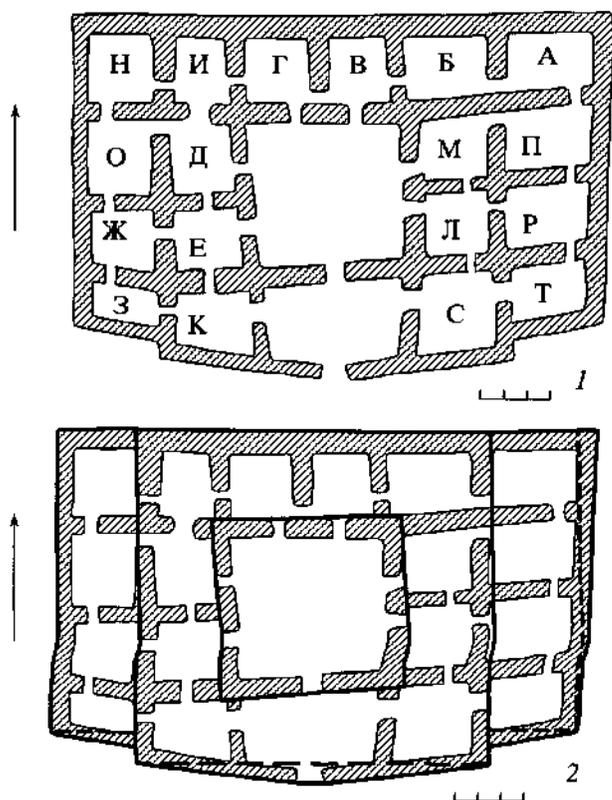

Рис. 1. План гуннского дворца на р. Ташебе: 1 – реконструкция Л.Р. Кызласова (А–П – комнаты, выявленные раскопками); 2 – текстура здания.

тлюхова на одном из рисунков указала те же параметры: “45 × 28 (32 в середине)” (рис. 4, 2), но выступ южного фасада не отражен в реконструкциях. Третья структурная часть дворца – крылья с запада и востока, из четырех комнат каждое. Их длина снаружи по 27, изнутри 28 м; ширина на западе 7, на востоке до 8.8 м. Подчеркивая ризалит главного фасада, строитель сдвинул южные торцы боковых крыльев к линии задней стены.

Три части объекта Л.А. Евтюхова выделила еще в процессе раскопок. В отчете 1945 г. оговорено размещение трех ярусов крыши: верхней “четырёхскатной с коньком” над центральным залом, средней над ближними четырьмя комнатами с востока и запада, и нижней над комнатами периметра (Ф. 12. Д. 16. Л. 153, об.). Отвечающий этому решению эскиз находим в полевом альбоме за 1941 г. (Ф. 12. Д. 19. Л. 53) (рис. 5), но сделан он, видимо, позднее: здесь нет внешней колоннады, присущей реконструкциям 1946 г. (на том же листе набросок двухскатной крыши верхнего яруса – решение, изданное в 1947 г.) (рис. 2, 1). Такой облик дворца Евтюхова напряженно обдумывала и по завершении раскопок: в архиве (Ф. 12. Д. 19. Л. б.н.) есть пять недатированных листов карандашных эскизов дворца и его деталей (рис. 3–6). Вероятно, они относятся к 1946 г. (подобный набросок сделан красным карандашом на обороте полевого чертежа 1946 г.: Ф. 12. Д. 20. Л. б.н.) (рис. 4, 1).

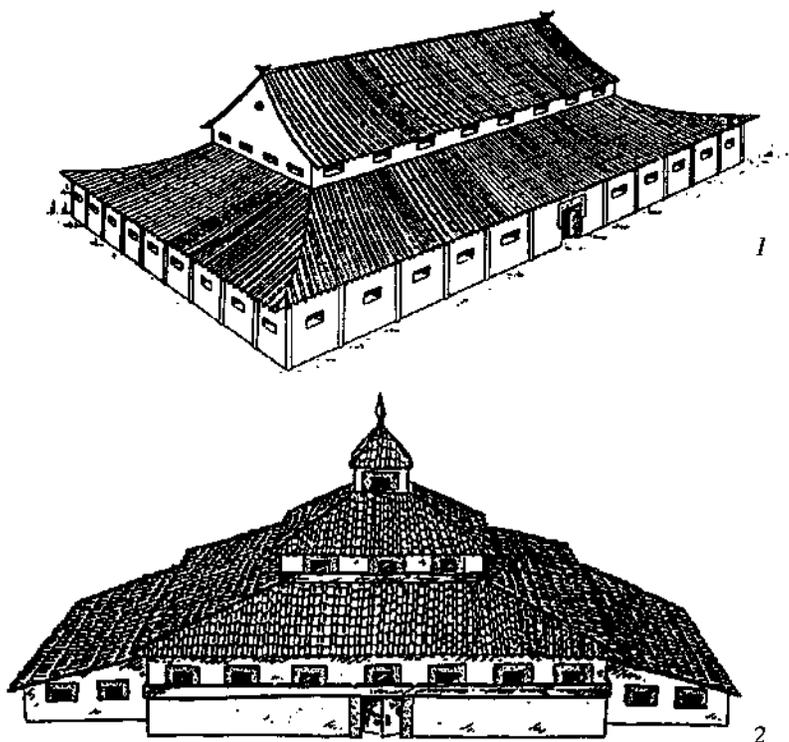

Рис. 2. Реконструкции дворца Л.А. Евтюховой (1) и Н.В. Леонтьева – Л.Р. Кызласова (2).

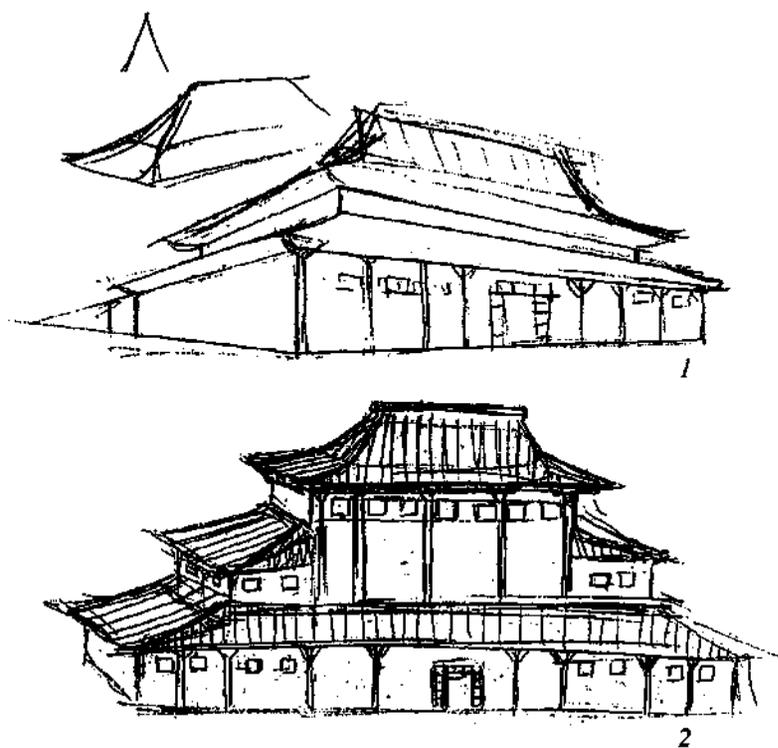

Рис. 3. Варианты восприятия текстуры дворца. Реконструкции Л.А. Евтюховой.

Схематичный разрез трехъярусной постройки на одном из листков точно отвечал выявленному плану и определил дальнейшие поиски облика здания: в архиве есть и незавершенный рисунок его плана в аксонометрической проекции. На эскизах Евтюховой высокий центр дворца решен единообразно – он определен мощью стен квадратного зала. Сомнения касаются формы и размеров среднего и нижнего ярусов, представлены два варианта. Один из них знаком нам по рукописи отчета 1945 г.: помещения периметра перекрывались крышей нижнего яруса, а комнаты, примыкающие к залу с запада и востока, относились ко второму ярусу. Этот вид здания наиболее занимал Евтюхову – в архиве четыре рисунка с его вариантами: рис. 3, 2 (исследовательница дорожила этой разработкой: порванный лист подклеен); 4, 1; 5. Один из них (здесь не публикуемый) отличен от рис. 3, 2 только меньшим числом колонн (наверху четыре, внизу – шесть) и окон (по три на верхнем и обеих сторонах среднего яруса). Сомнения понятны: археологических свидетельств окон нет; нет снаружи здания и следов колоннады – она введена в реконструкции (рис. 3; 4, 2) под влиянием китайских образцов.

Но гуннский дворец на Ташебе не следует связывать с архитектурой Китая (Кызласов, 2001). К канонам Западной Азии, а не Дальнего Востока восходят строительство на грунте, а не на плат-

форме¹; мощные стены из пахсы и глиняного раствора вместо столбовой конструкции с глиносоломенными пряслами²; не прямоугольный, а близкий к квадрату план; анфилады комнат вокруг центрального зала; отопление подпольными дымовыми каналами. Воздействие Китая проявлено лишь в крытой черепицей крыше (которые считают лучшими в мире по конструктивным и архитектурно-декоративным качествам, см.: Ащепков, 1959. С. 46) и облицовке плитками с рельефным зигзагообразным узором. Облик такого здания с несвойственными Китаю несущими стенами, видим на двух эскизах Л.А. Евтюховой (рис. 4, 1; 5).

Не соответствуют эпохе дворца на Ташебе и приподнятые края крыши (рис. 5). Не случайно прочие реконструкции Евтюховой (включая опубликованную: рис. 2, 1) лишены “летающей кровли”; схему прямого ската из черепиц она выполнила

¹ Эта особенность отличала аристократические постройки и известна с эпохи Шан-Инь, XVI–XI вв. до н.э. (Глухарева, 1970. С. 421; Крюков и др., 1978. С. 259. Рис. 34) или даже ранее (Васильев, 1998. С. 74, 75). Из девяти пожалований чжухоу, даваемых императором царедворцам древности, пятым было “право пользоваться для входа в дом низким крыльцом”, что создавало особые удобства (Таскин, 1990. С. 170. Прим. 174; 189. Прим. 136).

² Такая конструкция отличает уже дворец XIII в. до н.э. и связана с неолитической традицией плетеных обмазанных глиной стен (культура эрлитоу: Васильев, 1998. С. 71). Обычно в Китае стены при толщине 64 см сужают кверху (Стариков, 1967. С. 30).

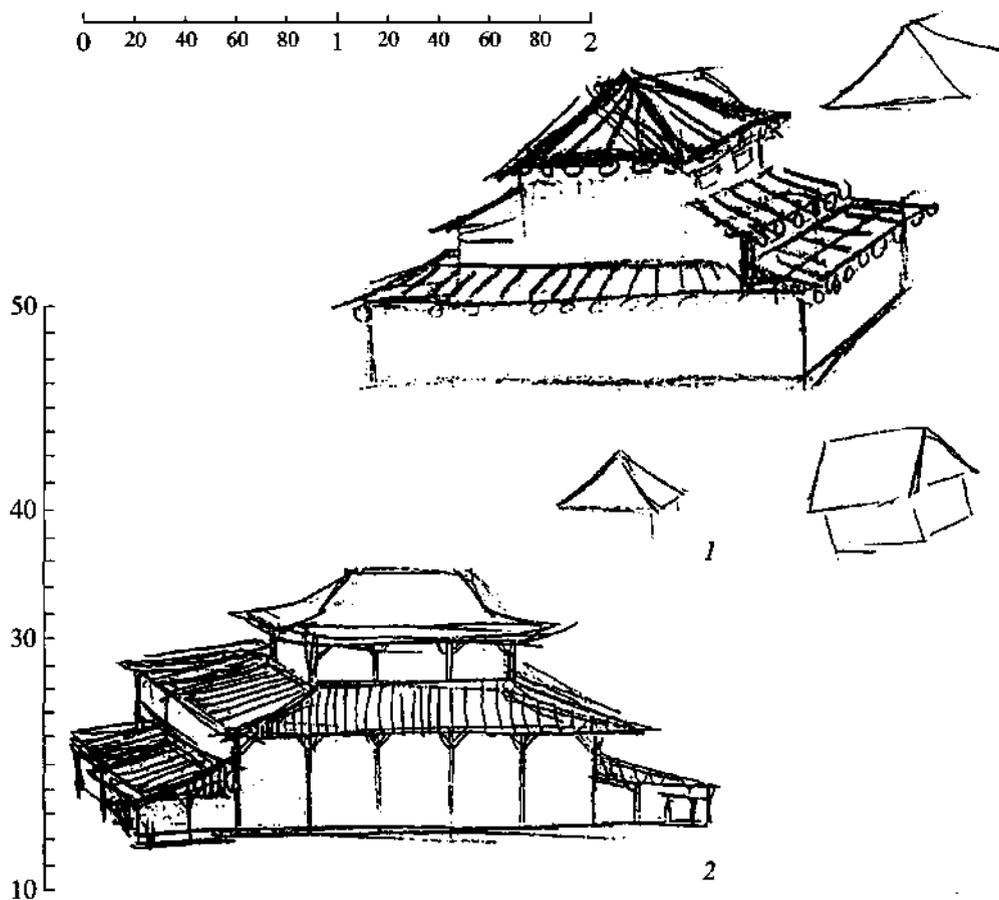

Рис. 4. Эскизы реконструкции дворца Л.А. Евтюховой.

еще в 1941 г. (Ф. 12. Д. 19. Л. 57, об.) (рис. 6, 1). Считали, что изгибы крыш возникли в ханьский период (Ащепков, 1959. С. 49), вероятно, имея в виду загнутые концы ребер черепичных покрытий. Они есть у ряда погребальных моделей и на рельефах I–II вв. н.э. (т.е. позже нашего дворца), и могли дать импульс развития формы (Глухарева, 1970. С. 434. Рис. 12) (рис. 6, 2). Но в эпоху Хань изогнутые углы крыш не свойственны ни жилищам знатных горожан (рис. 6, 2), ни храмам (Глухарева, 1970. Рис. 1, 5–13; Крюков и др., 1983. Рис. 3, 27, 28, 42–46). Они станут обычными в Китае много позже, с VII–VIII вв. (Ащепков, 1959. С. 49; Глухарева, 1971а. С. 349. Рис. 16, 17), хотя изображения дворцов с “летающей кровлей” известны в V в. (Крюков и др., 1979. С. 116. Рис. 14), а усадебных строений – в VI в. (Глухарева, 1971а. Рис. 14). И в позднейшие времена архитекторы в Северном Китае слабее изгибали “крылатые” крыши, чем в Южном (Ащепков, 1959. С. 50).

Хронологические соображения мешают при-
 ть и двускатную крышу с приподнятым верхом
 фронтонами на ряде эскизов дворца (рис. 3, 1, 2;
 2). Видимо, она возникает только к VI–VII в.

(тип *сеиань*) (Крюков и др., 1979. Рис. 17), а по памятникам известна с X в. (Глухарева, 1971а. С. 349, 359. Рис. 20); не позднее VIII в. попадет с буддизмом в Корею и Японию (Глухарева, Прибыткова, 1971. С. 535–537. Рис. 6, 7).

Второй вариант реконструкции представлен только одним рисунком Л.А. Евтюховой (рис. 4, 2), но, за исключением колоннады и подъема верхней крыши, именно он отвечает плану и текстуре здания. Крыша второго яруса перекрыла помещения, опоясывающие центральный зал, а крылья первого яруса связаны лишь с восточными и западными внешними комнатами. Возможно, нам стоит взглянуть в истоки современных зданий Маньчжурии, где “центральное помещение – гостиная – бывает совершенно изолировано, а по бокам к нему примыкают небольшие помещения (*эрфан*), каждое с отдельным входом со двора и своей крышей, более низкой, чем у центрального здания. Западный *эрфан* чаще занимает служанка..., а восточный – отводится под кухню” (Стариков, 1967. С. 53).

Это решение Л.А. Евтюховой учли Г.Б. Щукин (впервые воссоздав выступ южного фасада:

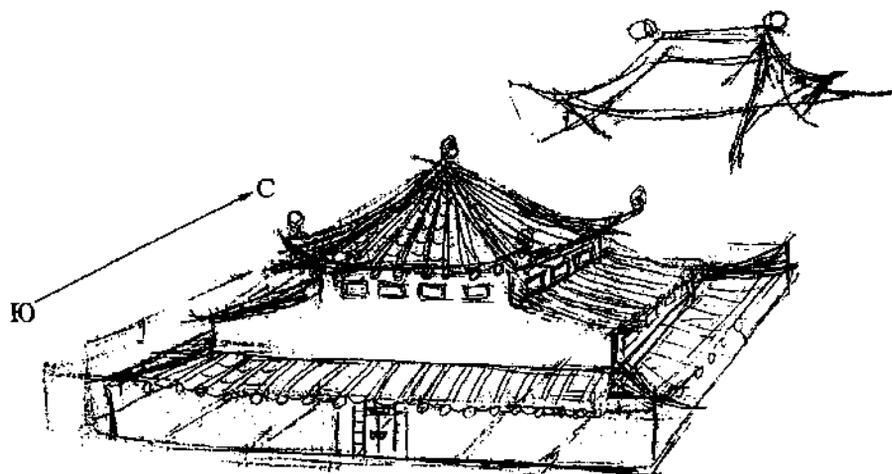

Рис. 5. Эскиз реконструкции трехъярусного дворца Л.А. Евтюховой.

рис. 7), Н.В. Леонтьев и Л.Р. Кызласов (рис. 2, 2). Полагаю, архитектор выполнил эту реконструкцию при участии Евтюховой, поскольку она включила рисунок Щукина в популярное издание (1954. С. 208, 209. Вклейка). Обсуждаемый вариант полностью совпадает с нашим пониманием построения здания (рис. 1, 2) и основан на несущем назначении стен, но принять его во всех деталях нельзя: эволюция черепичных крыш вынуждает отказаться от приподнятых углов “летающей кровли” (рис. 2, 2).

Крыша. Применение кровельной черепицы указывает, что здание на Ташебе – не рядовая постройка. Древнейшие черепицы в Китае встречены в развалинах г. Хао, столицы Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) (Киселев, 1959. С. 159; Глухарева, 1970. С. 422; Крюков и др., 1978. С. 260; Васильев, 1998. С. 143). Их много в “городе дворцов” Сяньяне, столице Цинь (III в. до н.э.) (Глухарева, 1970. С. 426). Хотя черепица отмечена в столице Хань, в оформлении императорских гробниц и входивших в их комплекс городов (Янлин), а ее имитации – в покрытиях каменных пилонов некрополей и храмов той эпохи (Глухарева, 1970. С. 429, 430, 432, 435, 436; Han..., 2006. Fig. 48–52, 179–181, 183), до периода Шести династий (III–VI вв.) в Китае ее широко не применяли (Крюков и др., 1978. С. 261; 1983. С. 123. Рис. 1), крыши крыли соломой и тростником (Крюков и др., 1978. С. 260; 1979. С. 214).

Редко применяли черепицу и гунны; насколько мне известно, она встречена на пяти относимых к их культуре городищах Монголии: Бурхийн дэрвэлжин, Харальчи Хэрмгийн-Балгас, Гуа дов (Киселев, 1959. С. 160–163), Тэрэлжийн дэрвэлжин, Хурээт дов (Данилов, 2004. С. 41–43, 46, 47; 2005. С. 20) и в местности Байн Дабанэ аман. С.В. Киселев указал на гуннский орнамент черепиц Гуа дов, но раскопки дворца на Ташебе впервые доказали

производство черепицы самими гуннами (Кызласов, 2001. С. 67–78). Внешне она подобна ханьской, сочетает крупные прямоугольные и полуцилиндрические формы, на концах крыши имевшие диски (рис. 6)³. Производство было трудоемким, по раннеханьскому источнику, рабочий делал в день 50 черепиц – 12 полуцилиндров и 38 плоских; изготовление полуцилиндров включало много операций (Крюков и др., 1979. С. 123, 124).

В древности каждую черепицу нижнего ряда через отверстия прибивали к жерди, связывающей концы слег. Позднее, с развитием “летающих крыш”, изгиб которых позволил не прибивать черепицу, крупные шляпки гвоздей имитировали украшения (Ащепков, 1959. С. 22. Прим. 1, 47). Желоба с отверстиями дворца на Ташебе (Кызласов, 2001. С. 69) подтверждают, что края его крыш не были загнуты. Значит, диски, завершавшие ряды черепиц, располагались здесь под углом к земле (рис. 2; 6, 1). Вероятно, только в сунскую эпоху (после 960 г.) промежутки между дисками заняли капельницы – свисающие подтреугольные отливки прогнутых черепиц (Киселев, 1959. С. 168–170; Ащепков, 1959. Рис. 46, 48, 50, 54, 61 и др.).

Крыша второго и третьего ярусов дворца была четырехскатной, что также отличает самобытное гуннское здание от типичных китайских покрытий на два ската. Появление четырех ска-

³ Раскопки 1970–1999 гг. внешних объектов гробницы императора Цзинь-ди (построена в 153–126 гг. до н.э. в местности Янлин, окрестности Сяньяна), а также руин сакрального городка близ нее дали ханьские черепичные диски с надписями. Их отличает от ташебинских меньший диаметр (16–18 против 19,3 см), крестовидное деление на четыре сектора и содержание надписей: у южных ворот гробницы – охранительных (“Долговечность”, “Долгая жизнь”, “Длящаяся вечно”, “Всегда длящаяся” и “Чан Лэ Вэй Ян”), в городе – даосских (?) географических (“Река Цзин течет у Янлин”; “Янлин лежит за рекою Цзин”) (Han..., 2006. Fig. 48–52, 179–181, 183).

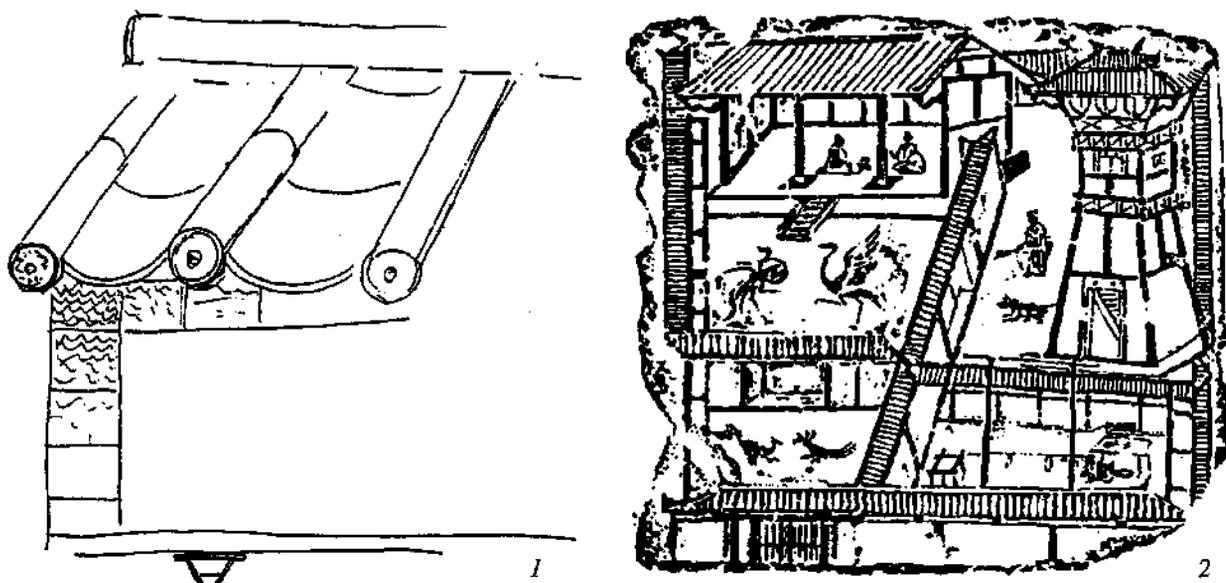

Рис. 6. Размещение кровельной черепицы и декоративных плиток дворца на Ташебе. Эскиз реконструкции Л.А. Евтюховой (1); барельеф на кирпиче из погребения I в. н.э. Китай. Сычуань (2).

тов в Китае, хотя и допускают уже для дворца в Эрлитоу, XIII в. до н.э. (Васильев, 1998. С. 71), достоверно относят только к III–IV вв. н.э. (Крюков, 1979. С. 131), а широкое их распространение – к V–VI вв. (Крюков и др., 1979. С. 120). В эпоху Хань четырехскатные крыши иногда отличают лишь башни, пилоны ворот и небольшие постройки (Ащепков, 1959. Рис. 1, 2; Глухарева, 1970. С. 432–434. Рис. 5–7, 9, 11, 12; Крюков и др., 1979. Рис. 1; 1983. Рис. 27, 44, 45, а; 46; Treasures..., 1992. P. 227. № 118; Han..., 2006. Fig. 149) (рис. 6, 2). Интересны модели двух- и трехэтажных и ярусных зданий Южного Китая, верх которых часто имеет четырехскатную крышу (Гуанчжоу, 1958. № 32, 34, 36, 37, 39, 40, 41).

Навершия крыш со шпилем, дисками и т.п., судя по пагодам, идут от индийских ступ, т.е. известны не ранее IV в. (Глухарева, 1971г. С. 338, 339). Их нет на ханьских башнях. Крыши того времени мели невысокие коньки на гребне и ребрах (Крюков и др., 1983. Рис. 3, 27, 28, 42–46; Han..., 2006. Fig. 149) (рис. 6, 2), их форма восходит к зашпилькам соломенных крыш, сплетенных из пучков травы (Стариков, 1967. С. 28. Рис. 8). Ребра крыши дворца на Ташебе перекрывали, видимо, полуцилиндры обычного вида, но большего размера – иных деталей коньков в его материалах нет (Кызласов, 2001. С. 69). Гипотеза возникла еще в начале работ, так как обломки таких желобов были малочисленны (Евтюхова, Левашева, 2006. С. 77) (рис. 6, 1). Черепицы крыши дворца были темно-серыми. Старейшая глазурованная (оричневато-красная) черепица обнаружена на северо-востоке г. Ханьдан, столицы царства Чжао (V–

III вв. до н.э.), иногда отмечается в эпоху Хань (Глухарева, 1970. С. 423, 431), но характерна с эпохи Сун (Ащепков, 1959. С. 25, 26).

Скосы крыши дворца на Ташебе определимы по китайским образцам. У моделей, барельефных изображений домов и башен, погребальных храмов ханьского времени скат крыш равен 22–27° и 32–34° (измерено по иллюстрациям: Глухарева, 1970. Рис. 5, 6, 13; Крюков и др., 1983. Рис. 43–45; Лоу Цинси, 2001. С. 51; Han..., 2006. Fig. 149). Первый наклон встречаем на изображениях периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) (Глухарева, 1970. Рис. 1); второй воссоздан для построек Шан-Инь (Крюков и др., 1978. Рис. 34). В средние века высота крыш растет, обретая символическое и декоративное значение. Однако скосы кровли торжественных одноэтажных построек от эпохи Сун и Ляо (X–XII в.) до династии Цин (XVIII в.) остаются в 24–27° и 30–34° (без учета прогиба) (Ащепков, 1959. Рис. 17, 18; Глухарева, 1971в. Рис. 29, 30, 1; 32; Лазарев, 1971. Рис. 83, 87, 1; 90, 133). Представить наклон крыш первого и второго ярусов дворца на Ташебе можно лишь по культовым и административным зданиям X–XVIII вв. Он сопоставим с малым показателем ханьских кровель: 16–20° и 24–26° (Глухарева, 1971в. Рис. 25, 30, 2; 39; Дубовский, 1971. Рис. 60, 70, 3).

Потолки. Восходя к китайской традиции, тяжелая черепичная крыша дворца на Ташебе предполагает конструкцию без стропил, чередующую поперечные укорачивающиеся балки и невысокие стойки (Глухарева, 1971а. С. 348, 349. Рис. 12). Однако во дворце не было ряда центральных колонн, предназначенных для удержания матицы,

Рис. 7. Вид дворца через южные ворота. Реконструкция Г.Б. Шукина.

нижние балки укладывали не на столбы, а на стены (Кызласов, 2001. С. 64). Возможно, по верху стен шла обвязка из балок, как в Средней Азии того времени, и на них опирались прогоны дощатого потолка (Пугаченкова, 1970. С. 350, 351; Распопова, 1990. С. 143; Литвинский, 2000. С. 117, 118). Вероятно, балки были круглые (квадратные отмечают на Дальнем Востоке как новинку минского периода, XIV–XVI вв.) (Дубовский, 1971. С. 390).

Во всем следовать китайским аналогам не позволяет и климат: обогреть такое здание без потолка в Сибири невозможно. В комнатах дворца обнаружены деревянные столбы, не связанные с планировкой и размещенные по углам и вдоль стен помещений. Вероятно, они поддерживали переводины потолков (Кызласов, 2001. С. 65). Восстанавливая вид потолков, обратимся к зодчеству Западной Азии. В раннесредневековом Согде, чья городская архитектура восходит к древнему дворцово-замковому строительству, потолочные прогоны равны 4–4,5 м. В залах со стороны в 6 м и более ставили колонны или вмазывали в стены столбы, державшие откосы (Распопова, 1990. С. 149, 193–197). Подобное наблюдаем и в нашем дворце. В комнатах М (размером 5,5 × 5,5 м), И (6 × 4 м) и В (6 × 5 м) столбы при-

стенные и впущенные в углы. В помещениях О и Б (по 7 × 5 м) они стояли посреди длинных стен. Когда следов дерева нет (Е, 6 × 5,7 м), предположительно откосы могли крепить на брусках, уложенных в верхние ниши стен (Распопова, 1990. С. 149). Потолки дворца могли быть кассетными, разделенными прогонами и поперечными балочками на квадратные клетки – такое устройство применяли в это время в Средней Азии (Литвинский, 2000. С. 117, 118) и в традиционной архитектуре Китая.

Всего этого лишен центральный зал. Для реконструкции его перекрытия остаются две возможности: внутреннего перекрытия могло не быть, снизу открывался вид на балки и слуги крыши (китайский вариант) или зал мог накрываться деревянный купол по типу Западной Азии. Развивающиеся вверх перекрытия парадных залов известны в архитектуре Согда VII–VIII вв.: стены зала без колонн в Пенджикенте (объект III, помещение 7, площадь 9 × 9 м) на высоте около 6 м имели врезанные в специальные гнезда горизонтальные балки. На них опирались круглые откосы, поднимавшиеся метра на 4, вероятно, образуя над центром помещения квадрат с прогоном в 4 м. Его перекрытие должно было развиваться вверх, к световому люку (остатки такого купола были в помещении 57 объекта XXIII). Высота зала могла быть более 10 м (Распопова, 1990. С. 149, 150). Купол опирался на укось: в нашем дворце они могли войти в бесколонную конструкцию, опираясь на вделанные в стену балки.

Пенджикентские реконструкции (Маршак, Распопова, 2001. С. 42–44. Рис. 38, 86) основаны на облике буддийских пещерных монастырей II–V вв. долины р. Бамиана (Афганистан), где большинство гротов завершали выбитые в скале купола. Над квадратными залами встречаются имитации бревенчатого купола в камне (Воронина, 1970а. Рис. 6). Историки архитектуры считают “баминскую” форму деревянных куполов архаичной. Важно, что она присуща не только буддийским культовым постройкам, но до сих пор отличает традиционные жилища Гиндукуша, Памира и Закавказья (Воронина, 1970а. С. 372).

Приведенные материалы допускают в нашем случае подобный бревенчатый купольный потолок в качестве внутреннего, лицевого перекрытия центрального зала. Конструкция вписывается снизу в четырехскатную кровельную китайскую крышу, покрытую черепицей. Редкий пример подобных решений встречаем позднее в самом Китае (X в., государство Ляо): деревянный шатер внутри храма накрывает статую Будды и вместе с плоским потолком скрывает конструкцию кровли (Глухарева, 1971в. Рис. 30).

Зал, помещенный глубоко внутри дворца на Ташебе, мог освещаться только сверху. Использование светового люка сомнительно из-за холо-

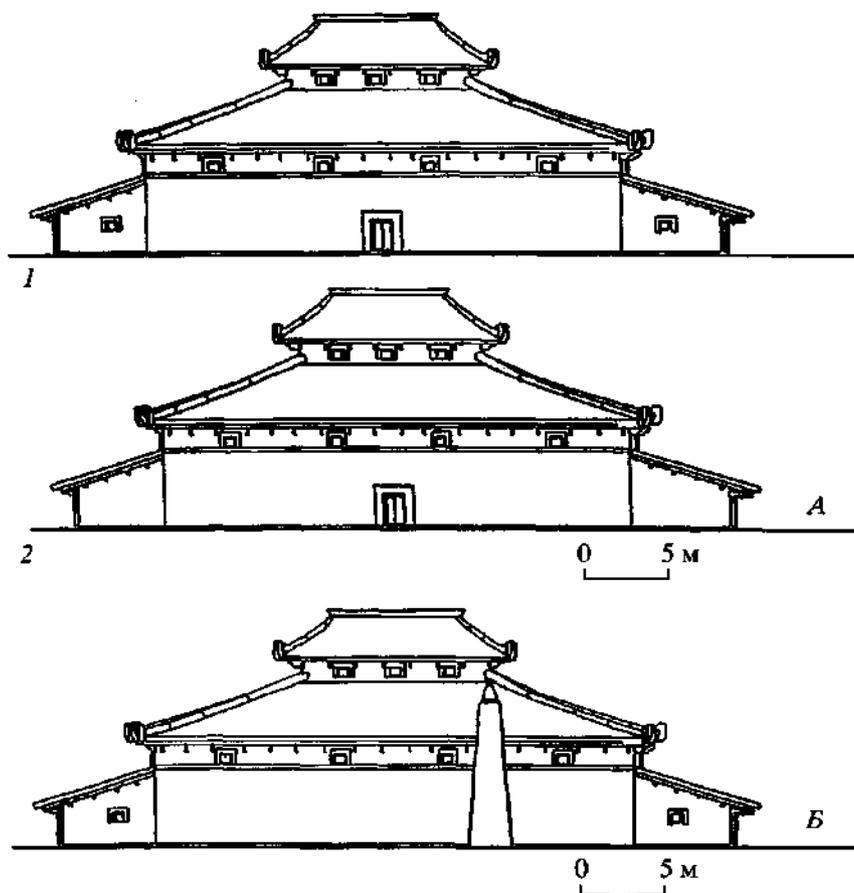

Рис. 8. Реконструкция дворца. А – южный фасад, 1 – при паре окон по западному и восточному фасадам, 2 – при четырех окнах по западному и восточному фасадам. Б – северный фасад. Разработка автора, рисунок Т.С. Добровой.

дов и черепичного покрытия, хотя бревенчатый купол позволял его устройство без обычной для такой площади колоннады (Пугаченкова, 1970. Рис. 13, 19; Воронина, 1970а. Рис. 6, в; Распопова, 1990. С. 149, 150). Завершающая башенка реконструкция (рис. 2, 2; 7) оправдана лишь в случае потолочного люка, но не обязательна. Вопрос требует изучения: небольшие отверстия под коньком крыши встречаются в современных типах жилищ и буддийских храмов Маньчжурии и Северного Китая (Стариков, 1967. С. 64). Создание башенки требует особой системы перекрытия, понять которую нельзя за отсутствием аналогий, хотя башенки встречаются на ханьских рельефах (две: Крюков и др., 1983. Рис. 3) и моделях одноэтажных и многоэтажных домов (Глухарева, 1970. С. 432. Рис. 9). Вероятно, основной свет залу давали окна вверху стен третьего яруса.

В китайском жилище на стандартный прогон крыши в 3,2 м укладывали 12 косых слег, поверх них – три продольные жерди и обрешетку из жердочек, прутьев, крупных стеблей или циновок. Ее промазывали саманом и крыли соломой или черепицей (Стариков, 1967. С. 26; 1979. С. 135). Слеги

были довольно длинные, и свесы кровли выдавались за стены, чтобы их не размывали дожди. Тип настолько устойчив, что маньчжурская фотография 1957 г. (Стариков, 1967. Рис. 6) сравнима с дуньхуанской фреской VI в. (Крюков и др., 1979. Рис. 17). Думаю, кровлю дворца на Ташебе соорудили сходным образом.

Стены. Архитектурный модуль здания неизвестен. Высота стен в реконструкции Леонтьева–Кызласова ниже предложенной Шукиным. У ханьских моделей и у зданий на ряде рельефов высота стен вдвое превосходит крышу. Но при большом свесе крыши ее зримая высота практически равна открытой глазу стене (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 43, 46) (рис. 6, 2). Однако это не в полной мере применимо к дворцу на Ташебе, лишенному внешней колоннады.

Высота стен китайских рядовых построек той эпохи, по ханьским же материалам, около 2,3 м (на треть выше человека среднего роста – 1,7 м). Эту высоту могли иметь комнаты боковых крыльев первого яруса – их назначение было служебным. Скат крыши многоярусных китайских построек поднят до половины высоты следующего

яруса, а по высоте стены второго и третьего уровней равны и не более чем на треть ниже стен первого яруса (Дубовский, 1971. Рис. 70, 3; Лазарев, 1971. Рис. 115). При таком раскладе минимальная высота стен второго яруса дворца – около 4 м, а третьего – около 5.5 м (вершины крыши – 9 м).

Сходны и западноазиатские данные. Второй ярус архитектурного макета из г. Мари II тыс. до н.э. (ранний аналог текстуры дворца на Ташебе, см.: Кызласов, 2001. Рис. 36) на треть выше первого. Приняв ширину его центральных входов всего за 0.7 м, получим высоту первого яруса в 2, а второго в 3 м. Высота первого этажа в одновременном Уре восстанавливается примерно в 3.2 м, а со вторым – 6.8 м (Афанасьева, Дьяконов, 1970. Рис. 12); Квадратного дома в Нисе (II в. до н.э.) – 4 м; дворца в Халчае в крыльях 3.4 м, в зале – 5 м (Пугаченкова, 1970. Рис. 11, 15); стен дворца в Ашшуре (I в.) – около 3.4 м (Воронина, 1970б. Рис. 35). Высота двух-трех этажного жилища Пенджикента (при той же, что в гунском дворце, толщине стен) не менее 8, а то и 10 м, первого этажа – 2–2.5 м, а в парадных залах иногда равна высоте дома (Распопова, 1990. С. 138, 139, 142, 163–167).

Срединные стены Ташебинского дворца, благодаря мощным завалам верхних частей, уцелели на высоту 1.5 м (Евтюхова, 1947. С. 82; Кызласов, 2001. С. 62. Рис. 32). Если добавить минимальные скосы крыш, то при угле в 12–16° конек первого яруса примкнет к стенам второго на высоте 3.7–4 м, а при угле в 24° – 5 м. Стена должна быть выше, хотя бы на высоту окон, поэтому конек второго яруса подымет минимум до 6–6.5 м и более (7.5 м), а третьего – до 10 м. Таким образом, высота стен каждого яруса превысит предыдущий не менее чем на 2.3 м. Если потолки засыпали грунтом, то на высоту двух ярусов надо добавить по 0.5 м (Распопова, 1990. С. 142). Высота дворца была не менее 11 м (на рис. 8, А, Б она равна 13.5 м; раньше, судя по рисункам, допускали 15 м, см: рис. 2–5, 7).

Полосатые пахсовые стены внутри и снаружи были, видимо, покрыты одним-двумя слоями замешанной с саманом глины – таковы от века поверхности стен Среднего Востока; сведений о побелке нет. Кроме окантовки входа, размещение декоративных керамических плиток на южном фасаде и внутри зала не установлено (поиск см. на рис. 2, 2; 6, 1).

Окна. Каждый из трех ярусов здания Г.Б. Шукин обоснованно снабдил окнами; величина помещений не позволяет освещать их лишь междукомнатными окнами, как в Средней Азии (Распопова, 1990. С. 138, 167). Естественный свет получили все помещения трех частей дворца: комнаты внешней (окна первого яруса) и внутренней (окна второго яруса) анфилады и центральный зал (окна третьего яруса). Н.В. Леонтьев принял такой вариант. Получается, что вестибюль, две комна-

ты, примыкающие к нему по фасаду и четыре помещения вдоль северной стены освещали окна и первого, и второго ярусов (рис. 7). Но в ту пору окна не держали тепла (монголы в юаньской столице Дайду на зиму внутри дворцов иногда ставили войлочные юрты, см.: Дубовский, 1971. С. 381), и два их ряда в комнатах излишни. К тому же если южные комнаты имели печи с дымовыми каналами (Кызласов, 2001. С. 81–84), то в северных подпольного отопления не было. А они-то, видимо, и были жилыми (Евтюхова, 1947. С. 81; Кызласов, 2001. С. 95).

Размещение жилых комнат дворца близко административным ханским зданиям, где передняя часть, согласно фрескам, служебная, задняя – жилая (Крюков и др., 1979. С. 168–170). Жилье состоятельного китайца было трехкамерным: центральная комната официальная, две боковые – внутренние покои (Крюков, 1979. С. 131) (по предположению Старикова, поперечное разделение и сместило двери и окна на длинный южный фасад дома – 1979. С. 134). Этому отвечает назначение центрального зала и боковых комнат нашего дворца. Кухня в Китае была в центральной проходной комнате, прихожей (Стариков, 1979. С. 134) – сходным образом в паре симметричных передних комнат дворца стоят отопительные печи. К изучению планировки дворца можно привлечь и близкие к квадрату жилища Маньчжурии с прихожей-кухней и двумя парами изолированных комнат по бокам; окна одних – на юг, других на север (Стариков, 1967. С. 24). В отличие от дворца в рядовых гунских жилищах единственная топка Г-образного кана – у противоположной входу стены (Давыдова, 1985. С. 15. Рис. III). Возможно, расположение топок, как и вся система подпольного отопления дворца на Ташебе, восходит к Западной Азии.

Окна в северной стене отрицают связь дворца с китайским каноном (но они обоснованы только свалкой пищевых отбросов за задней стеной (Евтюхова, 1947. С. 81; Кызласов, 2001. С. 95), что можно сделать без окон). В Китае боковые стены глухие, северная иногда имеет небольшие проемы, и только южная – окна и двери (Лазарев, 1971. С. 427. Рис. 96). Л.Р. Кызласов логично заключил, что на переднем и заднем фасадах здания нужен лишь один ряд окон, во втором ярусе (рис. 2, 2). Если, помня о нуждах отопления, поместить в комнатах дворца (кроме вестибюля и зала) по одному окну, то для боковых пристроек первого яруса достаточно четырех окон (ни одно из них, окон прислуги, может не выйти на парадный южный и северный фасады; но западное окно комнаты 3, по замечанию Т.С. Добровой, создаст сквозняк: три проема на одной оси). Сходным образом, южный и северный фасады второго яруса могли иметь лишь по четыре окна, а западный и восточный – по два. Учитывая высоту зала, на

каждой стороне нужно минимум два окна. Были ли они затянуты, неизвестно: с эпохи Тан для этого применяли бумагу (Глухарева, 1971а. С. 351), стекло отмечено в юаньском Дайду (Дубовский, 1971. С. 381). Северные окна нашего дворца могли замуровывать на зиму, как недавно делали в домах Северо-Восточного Китая, где, вопреки общей традиции, были и южные, и северные окна (Стариков, 1967. С. 43).

Стены дворца на Ташебе выстроены по канонам Средней Азии, чей опыт освещения не пригоден для нас: окна редки, хватало светового люка в плоской крыше, межкомнатных окон и входа. В раннесредневековых руинах Туркестана уцелели малые и узкие полуарочные окна, похожие на слуховые, расположенные без порядка – высоко над полом и почти в соседстве с ним (в помещении II–III(IV) вв. в оазисе Ния узкий проух на высоте 2.8 м от пола). Отмечены окна третьего этажа – также маленькие. По виду усадеб на стенных росписях (Литвинский, 2000. С. 129, 130, 135, 142. Табл. 30, 4, 5) можно думать, что широкие окна в плоскострельных постройках отражают влияние Китая. Сасанидский Иран дает примеры двухэтажных зданий с окнами по периметру. Судя по чертежу, они в 2 м над полом (размер 1.3×0.8 м; см.: Воронина, 1970в. С. 334. Рис. 43). В Пенджикенте VII–VIII в. трапециевидные и прямоугольные окна в торцовых стенах первого этажа под потолком, на высоте около 4 м (Распопова, 1990. С. 138, 169, 170).

Китайская традиционная архитектура знает широкие и высокие (более половины высоты стен) прямоугольные окна; они состоят из двух горизонтальных створок и даже на селе бывают шириной более 1 м и высотой 1.22–1.64 м (Стариков, 1967. С. 43, 44). В ханьскую эпоху окна небольшие, прямоугольные без переплетов (Глухарева, 1970. Рис. 9; Крюков и др., 1983. Рис. 45; Treasures..., 1992. P. 227. № 118; Han..., 2006. Fig. 149). Маленькие окна, врезанные отдельно, сохранились на севере Китая и отличают приземистые жилища с плоско-выпуклой крышей. Специалисты именуют их “ханьскими” и прямо связываются с древнекитайской традицией (Стариков, 1967. С. 55, 61, 62; 1979. С. 135). Поэтому для нашей реконструкции избран тип малых окон; точный размер их неизвестен. Возьмем одну створку позднего спаренного окна 0.6×0.8 –1 м или меньше (судя по фото, окна в реконструированных башнях ворот у гробницы Цзин-ди были 1 – 1.1×1.5 м) (Han..., 2006. Fig. 53); среди современных малых отдельно прорезанных квадратных или слабо вытянутых окон есть проемы $\approx$ по 40 см (Чжунго..., 1957. Рис. 145). Разместим окна высоко под крышей, как делали предшественники (Евтюхова, 1947. С. 82) (рис. 2–5). Дворец на Ташебе обретет суровый облик (рис. 8).

Двери. Судя по находкам, внутренние и наружный входы дворца обрамляли глиняные плитки с рельефным узором. Такая отделка известна в ханьской архитектуре (Евтюхова, Левашева, 1946. С. 80. Рис. 40; Евтюхова, 1947. С. 83; Киселев, 1949. С. 270; 1951. С. 480; Кызласов, 2001. С. 76) и позволяет использовать китайские аналоги. В оформлении ханьских погребальных склепов (Глухарева, 1970. Рис. 17) и некоторых моделей домов (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 2), узорчатое обрамление располагалось у самых косяков и притолоки входа (рис. 2, 2; 3; 5; 7). Возможно, фриз по притолоке выходил за косяки (Крюков и др., 1983. Рис. 42, 2).

Наружные и внутренние проходы сельских домов Китая часто близки по размерам (0.8 – 0.9×1.6 – 1.7), но входная дверь обычно одностворчатая, а комнатные – двухстворчатые (Стариков, 1967. С. 42, 43). В нашем дворце проем входа не сохранился, но ширина внутренних проходов значительна: 1 – 1.25 м, в одном случае – 2.1 м (Кызласов, 2001. С. 87), их двери могли быть двухстворчатыми. Лишь узкий проем северной анфилады (комнаты Г и И), шириной 0.7 м, вероятно, закрывала одностворчатая дверь. Бронзовые ручки-маскароны найдены в зале по одной на дверной проем, т.е. тоже могли принадлежать одностворчатым дверям.

В городах Китая входные двери чаще двухстворчатые (Стариков, 1967. С. 53. Рис. 15; 1979. С. 135); дверные проемы башен Великой Китайской стены минской эпохи (осмотрены 15.12.2006 г. за проходом Juong Guan к северу от Пекина), судя по парным подпятникам, закрывались двумя створками даже при ширине 0.8 м. Вероятно, две створки были и у наружной двери нашего дворца. Укажу аналоги на западе: размер дверной рамы из Лоулани (IV в.?) и Пенджикента VIII в. – 1.4×2.15 м (Литвинский, 2000. С. 128; Распопова, 1990. С. 170); входная дверь с двумя створками на фреске VI в. (Крюков и др., 1979. Рис. 17). Наибольший внутренний проем дворца на Ташебе позволяет думать, что наружная дверь была шире 2 м. В средневековом Китае входы дворцов и храмов бывали почти квадратными (Глухарева, 1971а. Рис. 20; Лазарев, 1971. Рис. 110, 1; 126, 163). Следовательно, форму двери в реконструкциях Шукина и Леонтьева–Кызласова можно считать обоснованной. По соотношению с длиной фасада, ее размер на рисунках примерно 2.4×2.4 м.

Большая толщина стен (1.4 – 2 м) допускает двойные тамбурные двери, на что указывает форма проходов из зала в комнаты и между северными комнатами. Выем для косяков прослежен и со стороны зала в комнату Д, и со стороны комнаты В в зал, и с обеих сторон (зал – Г–И), что подразумевает существование двух дверных рам. Другие проемы из центрального помещения к бо-

ковым (Е, Л и М) сильно сужались (Кызласов, 2001. С. 87, 95. Рис. 35, 44). Тамбурные двери свойственны не Китаю, а Западному и Восточному Туркестану (Кызласов, 1999. С. 187, 193. Рис. 11–13; Литвинский, 2000. С. 128), где, правда, устраивались только в наружных проемах (внутренние не имели дверей). В нашем случае нужно учесть сибирские холода, требующие усиления теплозащиты.

Труба. Вытяжную трубу подпольного отопления ранее не реконструировали. Ее точный вид нельзя представить, зная лишь место выхода отопительного канала за задней стеною дворца (Евтюхова, 1947. Рис. 25; Кызласов, 2001. Рис. 4. С. 80, 82–84). Но параметры таких труб получим по описаниям современных жилищ с лежанками-канами (Стариков, 1967. С. 34–39. Рис. 2). При длине дымового канала, разделенного на несколько ходов, в размер обычной комнаты и внешней стены (около 4 м), вытяжная труба ставится в 1–1.8 м от здания (вероятно, от пожара) и соединяется с каном наружным горизонтальным дымоходом. Трубы бывают глиняные, глиняно-соломенные, деревянные с обмазкой; их основание широкое (у глиняно-соломенных окружность в среднем до 2.8 м, у выходного отверстия – 1.2 м). Лучшая тяга достигается выводом трубы немного выше края крыши (в среднем 2.25 м). Если в доме две теплые лежанки, у каждой своя печь (второй жаровой канал выводят в ту же трубу наружным дымоходом вдоль стены).

Трубы корейского подпольного отопления (*ондоль*) в XIX–XX вв. были выше маньчжурских и поднимались над коньком крыши. Вероятно, это объяснимо большим числом, размером и протяженностью дымовых каналов. Даже в двухкамерных сельских жилищах размером 3–4 × 6–8 м от печи отходило три или пять головных каналов по 30–40 см шириной, разветвлявшихся на мелкие. В зажиточных и городских домах одной печью отапливали больше помещений, находящихся под одной крышей или стоявших по периметру двора. Вытяжные трубы ондолей ставили у торца зданий отдельно (но не ближе метра) или вплотную к стене (сквозь крышу) (Джарылгашинова, 1979. С. 218, 220–222, 226; Глухарева, 1971б. С. 528–530. Рис. 28). О размере и размещении вытяжных труб в Западной Азии у нас нет данных.

Приведенные данные убеждают: вытяжная труба дворца на Ташебе была высокой, не ниже крыши второго яруса (около 9 м), и большого диаметра (около 2.7 м), ведь связанные с ней дымоходы имели большую протяженность (рис. 8, б).

Ограда и ворота. Глухие стены, с древности (рис. 6, 2) и поныне окружающие дворы Китая, имели соломенные или черепичные двускатные кровельки, достигая высоты 2.5–3 м (Стариков, 1967. С. 19, 49). Дворовые ворота и двери дома

обычно помещали на одной меридиональной оси. Ворота зажиточного дома широкие: 3–3.5 м, двухстворчатые, их высота с крышей 3.5–4 м (Стариков, 1967. С. 20, 47). Пропорции и размеры ворот, судя по высоте человеческих фигур на ханьских рельефах и моделях, традиционны (рис. 6, 2), как и две закрывающие проем створки (Глухарева, 1970. Рис. 9; Крюков и др., 1983. Рис. 28, 44). Лишь пилоны торжественных ворот расставлены вдвое шире (Тайсы и Шаосы: 6.72 и 7.83 м) (Ащепков, 1959. Рис. 2). Все эти особенности приложимы к въезду ограды Ташебинского дворца (новое о плане гуннского городка и двора дворца см.: Кызласов, 2006. С. 162–174. Рис. 18–22).

Рельефы и модели ханьского времени воспроизводят городские ворота, фланкированные двумя башнями; усадебные проезды ограничивала пара высоких пилонов (Глухарева, 1970. С. 435. Рис. 5, 9). Обе формы бытуют позднее (Ащепков, 1959. Рис. 87). Для столь монументального оформления ворот на Ташебе оснований нет, но вряд ли это был простой проем в стене, обычный для древних изображений (Глухарева, 1970. Рис. 7, 11; Крюков и др., 1983. Рис. 44, 45, а, в; 46) (рис. 6, 2) и традиционной архитектуры (Ащепков, 1959. Рис. 152). Центральному выступу главного фасада дворца более отвечают ворота, выходящие за линию стены парой пилонов, с собственной двускатной крышей, известные на ханьских моделях (Крюков и др., 1983. Рис. 45, б) и в архитектуре Китая по сей день (Ащепков, 1959. Рис. 31, 79; Лазарев, 1971. С. 427. Рис. 98, 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева В.К., Дьяконов И.М. Архитектура стран Двуречья и Месопотамии // ВИА. 1970. Т. 1.
- Ащепков Е.А. Архитектура Китая. Очерки. М., 1959.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- Воронина В.Л. Архитектура Афганистана // ВИА. 1970а. Т. 1.
- Воронина В.Л. Архитектура Парфии // ВИА. 1970б. Т. 1.
- Воронина В.Л. Архитектура сасанидского периода // ВИА. 1970в. Т. 1.
- Глухарева О.Н. Архитектура стран Дальнего Востока // ВИА. 1970. Т. 1.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая VI–X вв. // ВИА. 1971а. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Кореи // ВИА. 1971б. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая X–XIII вв. // ВИА. 1971в. Т. 9.
- Глухарева О.Н. Архитектура Китая III–VI вв. (период Шести династий) // ВИА. 1971г. Т. 9.
- Глухарева О.Н., Прибыткова А.М. Архитектура Японии // ВИА. 1971. Т. 9.
- Гуанчжоу чу ту ханьдай таоу (Глиняные домики периода династии Хань, обнаруженные при раскопках в г. Гуанчжоу). Пекин, 1958.

- Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
- Данилов С.В. Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005.
- Джарылгасинова Р.Ш. Жилище корейцев // ТТСЖ. 1979.
- Дубовский Е.С. Архитектура Китая XIII – середины XVII в. // ВИА. 1971. Т. 9.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. 1946. XII.
- Евтюхова Л.А. Развалины дворца в “Земле Хягяс” // КСИИМК. 1947. XXI.
- Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. Т. 9.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Киселев С.В. Из истории китайской черепицы // СА. 1959. № 3.
- Крюков М.В. Древнее жилище народов Китая // ТТСЖ. 1979.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга // РА. 1999. № 2.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001.
- Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006.
- Лазарев Г.З. Архитектура Китая середины XVII – середины XIX в. // ВИА. 1971. Т. 9.
- Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000.
- Лоу Цинси. Чжунго гу цзяньчжэ эрпигу цзян (Двадцать рассказов из истории китайской архитектуры). Пекин, 2001.
- Маришак Б.И., Распопова В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 г. // Матер. Пенджикентской археол. эксп. Вып. III. СПб., 2001.
- Пугаченкова Г.А. Архитектура Средней Азии // ВИА. 1970. Т. 1.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.
- Стариков В.С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
- Стариков В.С. Основные особенности сельского жилища китайцев (хань) // ТТСЖ. 1979.
- Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990.
- Чжунго цзяньчжэ (Архитектура Китая). Пекин, 1957.
- Han Yangling Museum. Beijing, 2006.
- Treasures from a Swallow Garden. Inaugural Exhibit of the Arthur M. Sackler. Museum of Art and Archaeology at Peking University. Beijing, 1992.

Framework for reconstructing the Hun palace on the Tasheba river

I. L. Kyzlasov

Summary

The only Hun palace building (1st c. BC) which has undergone archeological study was excavated in Khakassia, on the Tasheba river (Middle Yenisei valley) in the 1940-s by V.P. Levashova, L.A. Yevtukhova and S.V. Kiselev, and published in 2001 by L.R. Kyzlasov. The reconstructions are by L.A. Yevtukhova (1947), G.B. Schukin (1954), N.V. Leontiev and L.R. Kyzlasov (2001). The article analyzes the reconstruction variants, including the 1941–1946 ones from L.A. Yevtukhova's archive. The tripartite structure of the building is determined by the plan: the central hall formed the upper storey, the square of adjacent premises – the middle, and the wings composed of four rooms each – the lower storey. The main elements of the building are reconstructed: straight-sloped and short-ridged roofs, wooden ceilings (a necessity in Siberia), three storeys of walls of different height, the number and location of windows, doors, air chimney, fencing and gate. A graphical reconstruction of the Northern and Southern façade is offered. The palace should not be associated with Chinese architecture. The technique of building without platforms, heavy walls of made of pakhsa and clay mortar, near-square plan, suites of rooms around the central hall and channels under the floor for smoke heating originate in the building canons of Western Asia. Chinese influence can be seen only in the type of roof tile and in the facing tiles with relief zigzag ornament.

ВИА- Всеобщая история архитектуры в 12 томах. М.

ТТСЖ - Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.